

И. Мяновска

ВОСПОМИНАНИЯ МАРИИ ДАНИЛЕВИЧ-ЗЕЛИНЬСКОЙ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Определяется место писательницы М. Данилевич-Зелиньской в литературе польской эмиграции XX в. Освещается биография писательницы, ее творческий путь и литературные связи. Прослеживается отражение культурного контекста Куявии начала XX в. в произведениях М. Данилевич-Зелиньской. Особое внимание автор уделяет автобиографической книге «Фадо о моей жизни», которая рассматривается как мемуарный документ эпохи.

*This article identifies the role of the writer Maria Danilewicz-Zielińska in the Polish exile literature of the 20th century. The author focuses on the biography of the writer, her artistic path, and literature connections. The article analyses the reflection of the cultural context of the Kujawy region of the early 20th century in the works of Maria Danilewicz-Zielińska. Special attention is paid to the autobiographical book *Fado o moim życiu*, which is considered evidence of the era.*

Ключевые слова: фадо, эмиграция, корни, автопортрет, исторические события, формирование личности.

Key words: fado, exile, roots, self-portrait, historical events, personality development.

Имя Марии Данилевич-Зелиньской, польского прозаика, литературного критика и библиографа, лишь в 1990-е гг. прочно вошло в литературный и научный обиход. В словаре польских писателей-эмигрантов Б. Климашевского, вышедшем в 1993 г., ей уделено четыре страницы, на которых рассказывается о главных периодах жизни и творчества писательницы, перечисляются ее книги и издательства, публиковавшие их [8, s. 76–80].

М. Данилевич-Зелиньска родилась и выросла в Александрове-Куявском¹ (в свое время его называли Александров Пограничный, так как это была конечная станция одной из линии Варшавско-Венской железной дороги). Городок был назван по имени царя Александра II и своим бурным развитием обязан приграничному местоположению. Отец писательницы, Вильгельм Марковски, как вспоминает его дочь, в Москве обучался аптекарскому делу и, уже будучи фармацевтом, сначала арендовал, а затем купил аптеку в Александрове [5, s. 5].

Здесь, на стыке российского и прусского районов Польши, в 1879 г. Александр II встретился с кайзером Вильгельмом в помещении вокзала [5, s. 7]. В Александров приезжал и царь Николай II. В. Пазньевский, общавшийся с писательницей, рассказывает о цехоцинском кучере пане Словинском, помнившем старые времена, и о небольшом домике напротив вокзала в Александрове, в котором висели иконы. Это был, по его словам, небольшой «анклав Востока» [5, s. 7–8]².

Сама писательница, вспоминая детство, напишет:

Родилась я в российском районе и очень подробно все помню. Маленькая речушка Тонжина отделяла нас от прусской части Польши и от ближайшего городка Торунь, где был уже другой мир. Чтобы проехать туда, нужно было показать паспорт и пройти таможенный контроль. Еще в детстве я столкнулась с проблемой «двух миров», с различием культур русифицированного Александрова и германизованного Торуня» [11].

Однако в доме писательницы ощущался также дух Вильно и его окрестностей: ее бабушка со стороны матери переехала в Александров из Вильно и ввела в доме «антокольские порядки»³. Стоит сказать и о рано умершем дедушке писательницы, Винценте Коротыньском, выходеце из окрестностей Новогрудка, который был секретарем Владислава Сырокомли, издателем его произведений, а также сам писал стихи на польском и белорусском языках [10, s. 6–7].

¹ Александров-Куявский — небольшой город в Польше, южнее Торуня. Далее в тексте упоминаются следующие топонимы. Куявия — историческая область в Польше (между р. Вислой и Нотець). Цехоцинек — небольшой город, расположенный в непосредственной близости от Александрова. Влоцлавек — один из крупных городов Куявии, стоящий на Висле, около 35 км от Александрова. Новогрудок — город в Беларуси (Гродненская область). — *Примеч. ред.*

² Перевод польских текстов на русский язык везде наш. — *И. М.*

³ Антоколь (Антакалис) — район Вильнюса. — *Примеч. ред.*

Семейные корни писательницы сказались в ее интересе к творчеству А. Мицкевича и Ю. Словацкого. В. Левандовски, составитель книги рассказов М. Данилевич-Зелиньской «Письменный стол Конопницкой» («Biurko Konopnickiej»), отмечает, что александровский дом писательницы, в котором с большим уважением воспринималась литература, весьма сильно повлиял на формирование ее личности [10, s. 8]. Выпускница Варшавского университета по специальностям «польская филология» и «романская филология», она с 1929 по 1939 г. работала в Национальной библиотеке, а в сентябре 1939, с началом войны, покинула Польшу вместе с мужем, известным польским инженером и летчиком. Жизненный путь привел ее в Париж, затем в Лондон и наконец, в 1973 г., — в Португалию, в небольшой городок под Лисабоном на берегу реки Таг, где она провела остаток жизни. Как утверждает В. Пазневски, все эти места, начиная с отцовской аптеки, заканчивая домом с огородом под Лисабоном, образуют «духовное целое», в которое вписываются воспоминания писательницы об эпохе, событиях и людях «той» и «нашей» эмиграции [5, s. 89].

Определения «та» и «наша» эмиграция звучат в книге очерков М. Данилевич-Зелиньской об эмигрантской литературе [4, s. 9–17]. Великая эмиграция XIX в. с ее четырьмя определяющими литературными фигурами — Мицкевичем, Словацким, Красиньским и Норвидом — названа «той» эмиграцией, а «наша» — это эмиграция XX в., и писательница рассуждает о ней как о «незавершенной повести, фоном которой является темный мир и будущее которой открыто» [4, s. 13], ее литература — это литература надежды. Данилевич-Зелиньска считала, что под польским культурным покровительством советские диссиденты сумели заинтересовать своим творчеством польских читателей [4]. Не входя в подробности периодизации литературы польской эмиграции, стоит, однако, отметить ее коренное отличие от литературы русского зарубежья XX в., которая была связана прежде всего с октябрьскими потрясениями [1].

Автобиографическую книгу очерков М. Данилевич-Зелиньской об эмигрантской литературе анализирует в одной из своих статей польский ученый К. Адамчик [2, s. 16–27]. Исследователь справедливо утверждал, что книга — не только сокровищница информации о тоталитаризме, но и свидетельство высокой значимости литературы, написанной на чужбине. Однако глубоко раскрыть автобиографизм прозы Данилевич-Зелиньской на примере одних лишь ее очерков невозможно. Напомним, что Ф. Лейне считает автобиографию коммуникативным актом [9, s. 133–139], М. Черминьска называет ее «сосредоточением на внутренней жизни» [3, s. 21], а М. Янион — «выбором истин» [7, s. 386].

Именно этот выбор, на наш взгляд, совершается и в книге Данилевич-Зелиньской «Fado о моей жизни». В ней не только создается автопортрет автора, но и рассказывается о людях, с которыми она общалась, и об эпохе, в которой ей пришлось жить. «Fado» — специфическое пор-

тугальское понятие, утонченный и изящный музыкально-песенный жанр. Как объясняет Пазьневски, основным содержанием фадо является сожаление, ностальгии (по-португальски — «saudade») по тому, что прошло безвозвратно или потеряно навсегда по нашей вине [5, s. 88].

Воспоминания М. Данилевич-Зелинской не только помогают осмыслить ее мироощущение, но и дают представление о датах, местах, исторических событиях и их участниках. Некоторые факты и лица писательница отмечает также в интервью В. Пазьневскому. Особенно интересны воспоминания александровского периода. В городок, — рассказывает писательница, — приехал вагон-магазин, доставлявший российские продукты — черный чай, халву, сушеные грибы и конфеты «Монпансье». Кроме продовольственных товаров привозились «ваньки-встаньки» и деревянные тульские ложки [5, s. 7]. Запечатленные подробности быта помогают понять событийную семантику произведений Данилевич-Зелинской. Та же бытовая фактура отражается в ее художественной прозе — например, в новелле «С Тонжины» («Od Tażynu») [6, s. 31—43]. В ней рассказывается не только о куявском местечке, но и о маленькой речушке Тонжине, в которой тогда ловили раков. Или, может, Тенжине, — сюжет новеллы строится вокруг фигуры дяди рассказчицы, филолога Людовика Коротыньского, которого беспокоит неопределенность названия речки [6, s. 31].

Писательница описывает Александров как пристанище разнообразных национальностей, культур и языков. Свое отношение к православию и россиянам она называет «экуменическим», замечая, однако, что польская среда в период ее проживания в Александрове старательно избегала каких-либо отношений с россиянами [5, s. 8]. И хотя отец писательницы, аптекарь, не мог обойтись без контактов с российскими учреждениями и чиновниками, но они сводились к праздничным поздравлениям и тостам за здоровье. Писательница вспоминает, что российские чиновники спешно эвакуировались из Александрова в преддверии войны; а в соседнем Торуне уже в 1914—1918 гг. православная церковь пустовала, всюду шла германизация, и родители Данилевич-Зелинской, тревожась о дочери, отправили ее в школу во Влоцлавек [5, s. 9].

В книге «Фадо о моей жизни» житейски-бытовые подробности представлены вперемешку с историческими событиями. Особо памятным для писательницы стал 1918 г., начало независимости Польши, когда построенные немцами в Александрове бараки наполнились поляками, бывшими пленными царской армии, которых захватили немцы во время войны, и россиянами, не спешившими возвращаться в родные места под власть большевиков. Из документов специального учреждения по делам возвращенцев следует, что александровский этап прошло несколько десятков тысяч людей [5, s. 10]. В эти сведения писательницы В. Пазьневски вносит информацию о том, что в лагере для военнопленных в Александрове находились также русские офицеры и солдаты из армии генерала Н. Бредова, входившей в состав армии Деникина, которые под давлением большевиков пересекли польскую границу ле-

том 1920 г. и были интернированы. Потом в бараки были помещены украинцы (союзники Польши с 1920 г.), которых писательница вспоминает с симпатией, особенно их танцы и пение, а также проводившиеся украинцами концерты и спортивные состязания. Отец Данилевич-Зелиньской помнил украинский с детства и общался с пленными на их родном языке [5, s. 11]. В 1993 г. было открыто украинское военное кладбище в Александрове, был освящен курган на месте захоронений того времени — «символ кровотокающей раны», как назвала его писательница.

С симпатией и сочувствием, как считает В. Пазьневски, вспоминает Данилевич-Зелиньска живших в Александрове евреев, в частности еврейскую интеллигенцию, хозяев магазинов, фотографа, зубного врача, бухгалтера [5, s. 12].

Во многих своих художественных произведениях прежде всего в рассказах Данилевич-Зелиньска отразила Куявию — край своего детства и юности. Понять куявский говор и вспомнить подробности куявского быта помогла писательнице ее мать, Антонина Марковска, прожившая в Александрове вплоть до своей смерти [10, s. 26]. Сама писательница считала, что куявская тематика «преследовала» ее даже в Португалии. Повесть «Дом», сюжетно связанная с Влоцлавеком, где писательница окончила гимназию в 1924 г., сборник рассказов «Близко и далеко», рассказы «Янтолькова», «Вилла панны Доманской» и многие другие — дань утраченному месту детства и юности.

Александров с аптекой отца, с полным особой красоты домом, писательница так и не посетила. Ей довелось увидеть его спустя годы лишь на видеозаписи.

Следующим важным этапом, отраженным в воспоминаниях «Фад о моей жизни», были годы учебы М. Данилевич-Зелиньской в Варшаве, где продолжилось формирование ее личности и произошла встреча с профессорами, сыгравшими первостепенную роль в польской науке. Главным учителем и научным руководителем ее стал Юзеф Уейски, под влиянием которого Данилевич-Зелиньска занялась исследованием творчества подольского поэта Тымона Заборовского [5, s. 23]. Ему была посвящена магистерская диссертация писательницы, затем — монография, опубликованная в престижной серии исследований истории польской литературы под редакцией Ю. Уейского [5, s. 29].

М. Данилевич-Зелиньска проявила себя и в библиотечном деле. Десять лет она раб [и др.] отала в Национальной библиотеке в Варшаве, возглавляла один из ее отделов. Писательница исследовала собрания Польского музея в Рапшервиле (документы предков Т. Костюшко, которые пытался в свое время упорядочить Стефан Жеромски). Она вспоминает раритеты, которые лишь в особых случаях вынимались из сейфов: «Флорианский псалтырь» («*Psalterz Floriański*») и «Свентокшиские проповеди» («*Kazania Świętokrzyskie*»), ценнейшей реликвией называет рукопись «Балладины» Словацкого [5, s. 29].

В жизнь М. Данилевич-Зелиньской 1939 г. принес большие изменения и обозначил новые этапы. Прервав работу над выставкой Словац-

кого в Кременецком лицее, вместе с мужем она навсегда покидает родину [5, s. 41]. Самыми сложными стали годы жизни во Франции с 1940 по 1942-й. В августе 1942 г. М. Данилевич-Зелиньска с мужем добралась наконец до Лондона. Здесь писательница стала работать в восстановленном на чужбине Фонде национальной культуры [5, s. 44]. Спустя несколько лет она сдает экзамены и получает звание высококвалифицированного библиотекаря (chartered librarian). Ей довелось заведовать библиотеками в Глазго и Эдинбурге. В этот период она обнаружила «Анекдоты о России» («Anecdotes of Russia») Фредерика Шамье — того самого, который в 1828–1829 гг., пребывая в кругу Мицкевича, оценивал польского поэта выше, чем Пушкина [5, s. 45].

Книга «Фадо о моей жизни» — документ эпохи и памятник, запечатлевший польскую культуру «там» и «здесь». Мария Данилевич-Зелиньска вернулась на родину своими книгами, воспоминаниями о людях и о волшебных местах ее детства и юности.

139

Список литературы

1. *Литература русского зарубежья (1920–1990)* / под общ. ред. А.И. Смирновой. М., 2006.
2. Adamczyk K. Szkice o literaturze emigracyjnej — jako autobiografia // *Archiwum emigracji. Studia — szkice — dokumenty*. 2007. Z. (1)9. S. 16–27.
3. Czerwińska M. *Autobiograficzny trójkąt: świadectwo, wyznanie, wyzwanie*. Kraków, 2001.
4. Danilewicz-Zielińska M. *Szkice o literaturze emigracyjnej*. Wrocław, 1992.
5. Danilewicz-Zielińska M. *Fado o moim życiu. Rozmowy z Włodzimierzem Paźniewskim*. Toruń, 2000.
6. Danilewicz-Zielińska M. *Od Tażyny* // Danilewicz-Zielińska M. *Biurko Konopnickiej*. Warszawa, 2000. S. 31–43.
7. Janion M. *Tragizm. Historia. Prywatność*. Kraków, 2000.
8. Klimaszewski B., Nowakowska Ewa R., Wykiel W. *Mały słownik pisarzy polskich na obczyźnie 1939–1980* / praca zbiorowa pod red. B. Klimaszewskiego. Warszawa, 1993.
9. Lejne F. *Wariacje na temat pewnego faktu. O autobiografii*. Kraków, 2001.
10. Lewandowski W. *Wstęp* // Danilewicz-Zielińska M. *Biurko Konopnickiej*. Warszawa, 2000. S. 6–26.
11. Tatarowski K.W. *Rozmowa z Marią Danilewicz-Zielińską*. URL: http://www.tygielkultury/eu1_3_2004/aktual/9.htm (дата обращения: 02.04.2013).

Об авторе

Иоанна Мянowska — д-р филол. наук, проф., Университет им. Казимира Великого в Быдгоще, Польша.

E-mail: miano@wp.pl

About the author

Prof. Joanna Mianowska, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland.

E-mail: miano@wp.pl